

Леопольд Эпштейн

Вместо большой книги

из новых стихов

Леопольд Эпштейн

ВМЕСТО БОЛЬШОЙ КНИГИ

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

БОСТОН • 2017 • BOSTON

Леопольд Эпштейн

Вместо большой книги. (Из новых стихов)

Leopold Epstein

Vmesto Bol'shoi Knigi (Iz novykh stikhov)

Copyright © 2017 by Leopold Epstein

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized for commercial use in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-940220765

Library of Congress Control Number: 2017918202

Published by M•GRAPHICS, BOSTON, MA

☐ www.mgraphics-publishing.com

✉ info@mgraphics-publishing.com

mgraphics.books@gmail.com

Printed in the U.S.A.

*И тогда я открыл свою книгу в большом переплете,
Где на первой странице растения виден чертеж.
И черна и мертва, протянулась от книги к природе
То ли правда цветка, то ли в нем заключенная ложь.*

Николай Заболоцкий, 1936

*Я понимаю всё. И я не спорю.
Высокий век идет высоким трактором.
Я говорю: «Да здравствует история!» —
И головою падаю под трактор.*

Павел Коган, 1936

*Подивлюсь на свет еще немного,
На детей и на снега, —
Но улыбка неподдельна, как дорога,
Непослушна, не слуга.*

Осип Мандельштам, 1936

С детства помню замечательную карикатуру Херлуфа Бидструпа: муж и жена собираются куда-то ехать, впихивают множество вещей в огромный чемодан, но всё не влезает, какие-то мелочи (зубные щётки, книжка, зонтик) запихнуть никак не удаётся. И тогда они, положив эти мелочи в небольшой баул, со счастливыми улыбками отправляются в путешествие, оставив неподъёмный чемодан дома.

Почти так же получилось с этой книжкой. Я отобрал кучу стихов для большого (страниц на 200) сборника, продумал его структуру, нашёл хорошее название («Симфонический принцип»). А потом вдруг охладел ко всей затее. Выбросил три четверти отобранного, простодушно поставил уцелевшие стихи в том порядке, в каком они были написаны. И вот результат.

***

Без спроса и без повода, и даже не в связи
С конкретным неким проблеском былого
Я вспомнил зданье школы на Либкнехта вблизи
От Винницкого парка городского.

Одно из лучших в городе, в три полных этажа,
В пылающую вписанное осень...
Я помню, как Фоменко принёс туда ужа
И в женскую уборную подбросил.

Я помню дверь учительской и маленький спортзал,
Где я не мог взобраться по канату,
Коричневые маты и чёрного козла,
Вторую смену, ранние закаты

За тусклым и с подтёками, моргающим стеклом,
Я помню на ботанике вопросы...
Я помню, как мы, стыривши, несли в металлолом
Со стройки тяжеленные колёса,

Техничку в коридоре, гремящую ведром,
Крик завуча: «А ну, без препирательств!»
Оттуда шлейфом тянется мучительный синдром
Продуманных и сладостных предательств.

Оттуда шлейфом тянется запёкшаяся боль
И вера в своевременное чудо,
И ясное сознание: я сам себе король, —
Конечно, тоже тянется оттуда.

Есть у любой эпохи свой собственный словарь,
Живой жаргон для вечного поп-арта.
Букварь, он вещь хорошая, но учит не букварь,
А воздух между букварём и партией.

А учит блеск чернильный в авторучке поршневой
И мёрзлый страх перед чужой ватагой,
Который не искупишь ни фантазией живой,
Ни будущей бессмысленной отвагой.

Я вспомнил зданье школьное в три полных этажа
В прощальном блеске быстрого заката,
И, по несхожей местности в волнении кружа,
Себя я вспомнил, бывшего когда-то.

И что-то в чаше памяти плеснуло через край,
И шум в висках поддакнул: «Ну ещё бы!»,
Когда прошёл по Ленинской сверкающий трамвай —
Новёхонький, немецкий, кумачовый...

* * *

У синьора Боккерини
Кость тонка, рука легка,
Кисть синьора Боккерини
Идеальна для смычка.
Отыграв в Париже, ныне
Он нацелен на Мадрид.
Жизнь синьора Боккерини,
Приближаясь к середине,
Много радостей сулит.

По возделанной равнине
Лёгок, лёгок бег возка.
Скарб синьора Боккерини —
Два дубовых сундучка.
В небе тучка проплывает,
Кучер щёлкает кнутом.
Боккерини напеваает.
Хорошо, что он не знает,
Как всё сложится потом.

Нет у жизни цели кроме
Жизни, да и жизнь — не цель.
Спит в футляре на соломе
Новая виолончель.
Воздух полн мычаньем, лаем,
Звонким цокотом копыт.
Задевая тучку краем,
Солнце пышным караваем
Поднимается в зенит.

* * *

Бывают дни: и повода не надо,
Чтоб ссора, точно свора, сорвалась,
Назревшим ожиданием разлада
Круша рассудка призрачную власть.

В такие дни мне никого не жалко —
От ужаса я делаюсь смелей.
Плевать мне! Мне ни холодно, ни жарко,
Мне дела нет до горечи твоей!

Из этих дней нет мирного исхода.
Бессильны слёзы, раздражает смех.
Мне ни к чему частичная свобода:
Я лучше всех, поскольку хуже всех!

Они не убивают, но терзают
Той правдой, что постыднее, чем ложь.
И никуда, увы, не исчезают,
А разве что — непрочно замерзают...
Потом, когда в себя уже придёшь.

***

Являясь частью большого зла,
Я был умеренным злом.
Зачем-то судьба меня берегла,
А сам — не лез напролом.

Я все экзамены сдал на «три»,
Однако, не завалил.
Осталась грязь у меня внутри
От клякс и красных чернил.

Мне к горлу не приставляли нож —
Я все обходил ножи,
Твердя себе, что яркая ложь
Лучше банальной лжи.

Я ставил ночь выше, чем день,
Частушку — выше, чем гимн.
Я встретил несколько чистых людей,
Но меня тянуло к другим.

При входе в неосвещённый подъезд
Надеждой — только одно:
Бог видит нас — какие мы есть —
И любит нас всё равно.

ПАМЯТИ ЮРЫ ФАДЕЕВА

Нынче небо забыло луну

Ю. Ф.

Ни Лёни, ни Фади в Ростове. Представить себе тяжело
Без них этот город. Наверное, он изменился.
Метро, говорят, будет строиться. Новые здания, стекло.
А Фадя ушёл, как и жил. Не покаялся, не извинился.

Я помню как пил он, мрачнел, размягчался, молчал,
Выстреливал фразой, задумывался, колебался,
Пытался прорваться, пробиться к началу начал,
Пьянел, сатанел, замыкался, светлел, улыбался.

Кому теперь нужен его заскорузлый словарь —
Один на вселенную, весь в заусенцах и шрамах?
В чернильных разводах едва ли блеснёт киноварь
При новоназначенных и свежеизбранных хамах.

Кладбище на Северном, если не врёт интернет,
В Европе — крупнейшее; все Новодевичьи жалки.
В раздувшихся венах расчерченный пыльный планшет,
Планшет, над которым летают вороны и галки.

Во вздувшихся венах, во вздувшихся ценах. С утра
Встаёт экскаватор и загодя роет могилы.
Душевный обрубок, стекавший ознобом с пера,
Откуда возьмёт он на это нездешние силы?

При нём ли костыль, чтобы врезать, коль сунется бес?
Хоть трезвым, хоть пьяным, в могиле не сверзнешься с лавки.
Одно хорошо — что бессильны собес и госбез,
Уже не затребуют, пьявки, ни справки, ни явки.

А что не исполнил он, то не исполнил. Капец.
Шабаш — его трудной, не самой удачной шабашке.
И ежели кто ему там заготовил венец,
Он только отплюнется: «На хрен мне ваши какашки!»

Без Лёни и Фади ни город, ни даже страну
Себе не представлю. Полно незнакомого люду.
Ну кто мне напомнит, что небо забыло луну?
Никто не напомнит. А сам я, конечно, забуду.

* * *

Поеду один в Ботанический сад,
Где красные листья так жарко блестят,
Что страшно бывает порою
За ветки с сухою корою.

Там в будние дни нет с парковкой проблем.
Гуляй по дорожкам, довольствуйся тем,
Что прожил достаточно много,
Ни в чёрта не веря, ни в бога.

Там остров сирени пожух и поник,
Но ярок предсмертный кленовый парик.
И долгоденствие, как эпоха,
И, в сущности, это неплохо.

Там солнце сияет без всяких причуд,
Там денег за вход ни с кого не берут,
И мёртвый жучок у бордюра —
Старинная миниатюра.

* * *

Мальчишкой превращаюсь в старика,
Не повзрослев как следует, старею.
Как свойственно неумному еврею,
Кривляюсь и валяю дурака.
Клоками — борода. Наверняка
Мне к лекарю пора и к брадобрею.
А жизнь — что лестница на галерею —
Слегка крута, но дивно коротка.

Ну что ж, не повзрослел, не повезло.
Но толстый лёд как тусклое стекло
Блестит на речке. И висит светило.
Снаружи — холодно, внутри — тепло.
Всё есть как есть. А было всё как было.
И лучше быть, наверно, не могло.

ДАВНО

Спуски были покаты.
Подъёмы бывали круты.
Хорошо выпадали карты.
Куда надо вели маршруты.

Печаль уносилась ветром.
Забывались легко ошибки.
Грядущее мнилось светлым,
Но контуры были зыбки.

Казалось, что всё — недаром:
Вот — знаки предназначенья.
Давно — а вроде недавно,
Каких-то два поколенья.

Теперь обольщенья редки.
Теперь озарений мало.
Процесс вымиранья предков
Почти подошёл к финалу.

Пора подводить итоги,
Но без пониманья — лучше.
Подъёмы теперь пологи,
А спуски — всё круче, круче.

***

*В творимом стамбульскими писателями из печали руин
идеальном городе живописных лацуг
не было места тёмным и опасным
чудовищам подсознания.*

Орхан Памук

Человек, которому выпало родиться турком,
Воображает прошлое по чёрно-белым гравюрам,
Где султан поражает врагов и дарит благочестье девам
И где правый свирепый глаз легко сочетается с левым,
Улыбающимся. Шрам от сабли возможен, но не от пули.
В Константинополе люди жили не так,
как живут в Стамбуле.

Человек, которому довелось родиться греком,
Любит сравнивать век позапрошлый с прошлым веком,
Как старуха, давно вдова — свою жизнь до замужества
и во время.
Грек хранит перезревшую зlobу в печени,
и это — вредно.
Всё чаще он пьёт один, но памяти грек не пропил:
Стамбул — это место на карте,
где схоронен Константинополь.

Человек, по воле судеб родившийся армянином,
Лелеет горе в душе с детства, но чтобы клином
Не совсем уж сходилась свет, он осваивает ремёсла.
Если — богат, то в отпуск поедет в Иерусалим,
в Женеву, в Осло, —
Да мало ль куда ещё! Но не в эту область,
У которой прошлого нет и название стёрлось.

Человек, которому удалось родиться ирландцем,
евреем, русским,
Показывает свой паспорт и, пройдя коридором узким,
Путая корни, суффиксы, забывая про запятые,
Обнаруживает себя не в Стамбуле, а в Византии,
По которой гуляют призраки с аккуратными бородами,
В силу экстерриториальности стоящие над судами.

Человек, которому вообще не довелось родиться,
Видит в Мраморном море — Мёртвое. Он, как птица,
Избегает пустых пространств и тянется за судами,
Проходящими по Босфору. Различия меж городами
Существуют только для тех, у кого есть тело.
А ему это всё равно. Вот такое дело.

***

Удовольствие: лечь после двух,
Встать в одиннадцать. Кофий откушать.
Почитать себе что-нибудь вслух,
С удовольствием это послушать.
Побродить среди стульев. Потом
Долго мыться, копаться, возиться.
Всё на свете даётся трудом? —
Кто бы спорил. На ветке — синица,
Письмоносица царства теней.
Дальше — только соседская крыша.
Снова книгу раскрыть и по ней
Вслух читать. Но не слыша.

* * *

Питеру С.

В декабре Мерида кажется идеалом
Климата: не мёрзнешь и не потеешь
(Днём — в бассейне, ночью — под одеялом),
От райского сада отличаясь тем лишь,
Что всё гремит — как на прокатном стане
Киножурнала начала шестидесятых:
Грузовики, автобусы, птичьи стаи,
Телевизоры, фейерверки... Замечу кстати,
Что фейерверки — чуть ли не раз в неделю,
Карнавал не поспевает за карнавалом,
И вообще: за исключением денег,
У населения — всего навалом.
А главное — у всех позитивный вектор:
Не страдай, расслабься, не злись, не гнобься.
Если быть бедным, то уж лучше в этом
Климате, где от холода не загнобься.

Но лучше всё-таки быть побогаче,
Подавать нищему два-три песо,
Понимая: могло б сложиться иначе,
Потому что жизнь, как плохая пьеса,
Не боится штампов и прёт как хочет,
Наделяя каждого чем попало
Без каких-то тонкостей и отсрочек:
Ты сиди в кутузке, а ты — под пальмой.
Пьеса не искусна, но не банальна,
Судит не по замыслу, а по факту:

Мог бы жрать баланду — жую бананы
(Не по Провиденью, а лишь по фарту).
Небо здесь — с особыми облаками,
На которых — виза другого мира,
То они — как грузные пеликаны,
То — как пламенеющие фламинго.
Впрочем, расстоянье до океана —
Километров сорок. С колокольни собора
Видны улицы, крыши, лес, саванна,
Но любая влага скрыта от взора
Кроме облачной. И повсюду — камень.
Городские улицы — как ущелья.
Каждый дом, соседей тесня боками
Защищает личный квадрат веселья
От чужого взгляда. Но если — сверху,
То видны столы, гамаки, навесы,
И ретивый ум производит сверку,
Как оценку женщины — глаз повесы.
Что ж, картинка радует. Принимаю
Этот рай, явившийся ненароком,
Где безумный зной раскалится к маю
И сентябрь с небес загремит потоком.

У индейцев майя — жёсткие лица,
Их черты и пугают, и привлекают,
Потому что рай здесь недолго длится.

Но я слышал, что к этому привыкают.

* * *

Как весело мне в это время жилось —
В те самые трудные годы, когда мы
Смеялись над краем разверзшейся ямы
И мимо смотрели, и видели сквозь.
Преступно и глупо живя на авось,
Впихнув — от трагедии до мелодрамы —
Все жанры в картину (в то время — без рамы),
Я жил припеваючи. Мне удалось
Остаться и выскользнуть. Я из таких,
Кто бьёт себя в грудь, но не платит по счёту,
Кто вроде готов на любую работу,
Но чаще всего просто ест за двоих.
У лютых годов был улыбчивый лик —
Спасибо, судьба, за такую заботу,
Но что ж ты глядишь, подавляя зевоту
На стих мой изящный, беспомощный стих?

* * *

Стереть набросок карандашный,
Укрыть обман, забыть чуму...
Когда стихи писать не страшно,
То и писать их ни к чему.

Пусть знают все, что ты за быдло,
Пусть видят качество трухи:
Когда стихи писать не стыдно,
То это — скверные стихи.

И в ритме, вроде — произвольном,
Даётся некоторый знак.
Когда стихи писать не больно,
В них что-то явственно не так.

Траншея, свалка, скотобойня —
Откуда всё это? Бог весть.
Но если страшно, стыдно, больно,
То что-то в них, возможно, есть.

* * *

Высокомерие ахматовского толка
Мне неприятно. Даже над стихами
Ахматовой, мне кажется, витают,
Как мелкие назойливые мушки,
Эпитеты, которыми так щедро
Всегда она увенчана была.
Средь них — осанка гордая, улыбка
Презрительная, царственная краткость
Характеристик, взгляд проникновенный,
Надменная насмешливость, неспешный
Величественный стиль повествованья,
Глубокий голос, благородный профиль.
Лишь чёлка знаменитая, пожалуй,
Немного выбивается, но тоже
Высокий этот образ не снижает.
Я б не хотел иметь таких друзей.

А с мандельштамовским высокомерьем,
Нелепым, жалким и придурковатым,
С его беспомощной, бессильной спесью,
С обидчивостью, гневом, интриганством,
С гордыней, выражаемой фальцетом —
Смиряюсь я без всякого насилия
Над чувствами. И более того,
Шутом охотно был бы и лакеем
При короле-паяце...

НОЧЬ В БОЛЬНИЦЕ

Я не поклонник белого стиха,
Хоть и не враг ему. По крайней мере,
В нём есть пружина. Это не верлибр,
Бессильно гнущийся при всяком ветре.
И он бывает нужен мне порой,
Когда раствор души перенасыщен.

Я загремел в больницу. Ничего
Особенного. Может быть со всяким.
Ну, загремел и загремел. Лежу
И думаю, скорей оптимистично,
Как всё удачно вышло. Например,
Что мог бы отключиться и не в лифте,
А, скажем, за рулём. Через меня
Течёт не просто время, как обычно,
А время под контролем медсестры:
Дистанционно я — как на ладони.
Но — только изнутри, а внешне — нет.
А внешне я по-прежнему один
И неделим, как атом Демокрита
До осквернения Энгельсом. Лежу
И размышляю.

За перегородкой
Утих сосед, метавшийся в бреду,
В тяжёлом ужасе галлюцинаций.
Сосед мой стар. Он русский, как и я.
Забавно, да? Возможно, я на спорю,
Возможно, и забавно. Но при этом —
Немного страшно. Бог не приведи
Дожить до состояния такого.

Сосед мой стар, бесцветен, истощён,
Но — вопреки нормальным ожиданиям —
В нём сохранился сильный, юный голос,
Красивый, низкий. «Сашка, — он кричал, —
Пусти им петуха! Держи, вот спички,
Запаливай!» Две дюжих санитарки
Его при этом мыли, а одна
Из них с ним говорила и внушала,
Что всё о'кэй. Трагическое в жизни
Смыкается с комическим не так,
Как нам хотелось бы. Теперь он спит.
Спокойно спит и дышит равномерно.

Страданье портит. Может быть, не всех,
Но большинство. Страданье нас не учит,
Хотя и числится в учителях.
Грешно поэтизировать страданье.
Жить надо весело. В конце концов,
Веселью тоже можно научиться —
Пусть к старости. Жизнь, как и смерть,
Достойна и любви, и уваженья.

Я понимаю: скоро я усну,
Но жаль расстаться с бодрствованием. Время,
Где я сейчас витаю, никогда
Не повторится. Цепь воспоминаний
Тем дорога, что ускользает от
Анализа рациональной мысли
И движется сама — как повезёт.
Доверься ей. А стих, лишённый рифм,
Коварен — он не знает, где пора
Ему остановиться. Оборвать —
Без сожаленья! Выдохни. Расслабься.

***

*Мои нечаянные умолчания
В молитвы мне по благости зачти.*

Николоз Бараташвили

Мертвец в могиле путает века,
Солдат не помнит, где его убили,
Мудрец не отличает «и» от «или»,
А утонувший в Рейне или в Ниле,
Что за река, забыл наверняка.

Зато у мёртвых в памяти крепка
Очищенная от вседневной пыли
Суть бытия. Они не есть, но были.
Все чувства, в них пылавшие, остыли,
Оставив камень чистым от песка.

Поэт идёт, куда ведёт строка,
Ему лишь надо удержаться в стиле,
Как всаднику — в седле. Художник в силе
Что мертвый — всё забыл, чему учили,
И не сильней любого новичка.

К сигналам уха чуткая, рука
Рисует буквы. В контур не включили
Ни мозг, ни сердце. Вымысел от были
Не отделив, их просто совместили —
Мол, после разберёмся, а пока...
И — тёплый, всё ещё в автомобиле —
Как брата, обниму Бараташвили,
Разбившись на своей последней миле
О яркий отблеск в окнах тупика.

* * *

Когда кончаются дружбы, легко сыскать виноватых:
Обычно виновны оба, а можно сказать — никто.
Идут недоразумения, как лыжники в маскхалатах —
Возможно, поодиночке, а может быть — сразу сто.

Когда ломаются семьи без разлучников и разлучниц,
Легко обвинить болезни, безденежье, неуют.
И только злая надежда, как озверевший лучник,
Пускает острые стрелы, пока её не убьют.

Когда погибают страны и к власти приходит сволочь,
Легко распознать причину в беснующейся толпе.
А если страна орешек, который сколько ни колешь,
Он никогда не расколется — и дело здесь в скорлупе?

Это в чём-то подобно технической неполадке:
Случилось то, что случилось, ничего не попишешь тут...
Будто звонишь знакомым, говоришь: «У вас всё в порядке?» —
«Да», — тебе отвечают. И ты понимаешь: врут.

* * *

*Ели горячую, как огонь, налимью уху, кровавый
ростбиф, молодой картофель, посыпанный укропом.*

И. Бунин

Откуда такая сила у простого перечисления?
Вот невидаль — мясо с картошкой, подумаешь тоже — укроп!
Но нас ведь предупреждали: попытка разгадки гения
Сопряжена с опасностью и может ударить в лоб.

А дальше — такая фраза (хоть пой, хоть звони в милицию
И по старой совковой привычке докладывай шепотком):
«Белое пили и красное вино от князя Голицына».
(С одной из княжон Голицыных я, впрочем, лично знаком.)

А как подаётся женщина! — двумя, ну тремя, деталями
(Бунин, Иван Алексеевич, не любит избытка слов),
И сразу же видишь всю её: причёску, и грудь, и талию,
Как чувствуют дичь заранее охотничьи ноздри псов.

И пусть тоска неминуема, красота не бывает лишнею —
Вопреки похмелью грядущему, быстрее же, не проворонь!
Среди мёртвой листвы останется уцелевшей
случайной вишнею
Та налимья уха горячая. Горячая, как огонь.

К МЕКСИКЕ, С ЛЮБОВЬЮ

С любовью к Мексике, нетрудно разглядеть
В её истории сквозь горькую гримасу
Надежду детскую. Ацтек, надевший маску
Орлиной храбрости, присутствуя везде,
Везде отсутствует. Пошёл на сувениры
Ареопаг зубодробительных божеств.
Как нынче говорят в России, «жесть»
Не подтверждается. Зияющие дыры —
Скорей в концепциях. А невозможный вид
Горами стиснутого мироздания —
Достаточный предлог для оправдания
Отреставрированных пирамид.

С любовью в Мексике, похоже, обстоят
Дела не хуже, чем в одиннадцатом веке:
С орлиной жадностью впиваются ацтеки,
Забыв о скромности. И женщины хотят,
Что и показывают — клювом, бюстом, тазом.
Пусть птицы местные грубей, чем соловей,
Смысл генетический смешения кровей
Здесь виден невооружённым глазом.

С любовью к Мексике — ясней водораздел
Меж возрождённой злобностью советской
И постимперской жизнерадостностью детской,
Которую здесь Бродский проглядел.
Я чувствую себя свободным тут.
С утра наполнен благодушьем странным
И чувством защищённости обманным —
Тем самым, глиняным: «не тронут, не убьют».

На севере постреливают. Юг
Пока спокоен. На плато срединном
Застыли в ожиданье двуедином
Восторг смертельный и живой испуг.

* * *

Любовь бесплотная нелепа, в разряд причуд занесена, она — как бутерброд без хлеба, как отпуск где-то под Алеппо, она абсурдна. Но она не упоает, не ревнует, не процветает, но растёт, без страха смерти существует, как плющ, увивший стенку sklepa кладбищенского. Ей уход не требуется. Всё питанье — истлевшее воспоминанье. Кто понимает, тот поймёт.

Плющу особые зацепки не надобны. В линиялой кепке садовник, взгляда не бросая, проходит мимо. Нет, не тот полуабстрактный садовод, простой садовник. Окликая друг друга, птицы хоровод ведут вокруг, не замолкая. И жизнь, как девочка босая, вслед за садовником идёт.

Любовь бесплотная — бесплодна, а значит — более свободна от нежелательной судьбы — гражданских бед, военных бедствий, непредусмотренных последствий, от «надо бы» и «если бы». Что нынче модно, что не модно, ей безразлично. Черноплодна рябина памяти. Сарай. За ним — другой... Весь ряд сараев. А мне — лет восемь. Мы играем. Во что, не помню. Выбирай игру любую. Скажем, прятки. Бельё, прищепки... Что в осаде? Быть может, ад. Быть может, рай. Поток души не управляем. Попробуй, спрячься за сараем, когда за ним — другой сарай. Как тут припасть благоговейно, когда в руке — бутылка Клейна: где внутренний, где внешний край? Свобода без конца и края, ты в ней умрёшь, не умирая. Усвой, запомни, повторяй. Замри, застынь, забудь, покайся, протри очки, прими лекарства. Из муки и муки мытарства, эх, испекли мы каравай...

Любовь бесплотная бесправна — всегда вести себя должна не гордо и не своенравно, ничем не выделяться явно, а лучше — в тряпочку исправно молчала б попросту она, как падчерица, что недавно

наследства будет лишена. Она бесправна, но бесспорна — как дождь в расщелине окна, как пионерская страна, где барабана нет без горна. Ругать бедняжку не зазорно, да боязно. Ведь времена к ней почему-то благосклонны. Она сладка, как дикий мёд. Ей безразличны все законы. И мы с ней даже не знакомы. Кто понимает, тот поймёт.

Уроки Л. М. Х.

«Пока пассионарии друг друга
Уничтожают, будущим тиранам
Высовываться рано. Их черёд
Приходит в тот момент, когда герои
Погибли или выдохлись. Тогда...»
Он закурил. Вздыхнул. И почему-то
Держал горячей спичку. Лишь когда
Огонь уже почти коснулся пальцев,
Он погасил её. «Тогда природа
Командует тиранам: час настал.
И вдруг они из трусов и пигмеев
Становятся мгновенно храбрецами,
И тут же беспощадно оттесняют
Пассионариев. Ты скажешь: Гитлер?
Что ж, Гитлер, вероятно, исключенье».
Он, затянувшись, продолжал (во сне
Скачок мне не казался нелогичным):
«Конечно, ананас — прекрасный фрукт,
И вкусный, и полезный. Но веками
Культура европейская росла,
Воспитывая вкус на винограде.
Вино важнее письменности. Греки...»
Он замолчал. «Что греки?» — я спросил,
Но он меня не слышал. Он как будто
Куда-то отъезжал, как отъезжает
Картина на вращающейся сцене —
И я проснулся. И как только понял,
Что я проснулся, сразу же подумал:
«Ведь не было такого разговора!»

Как странно: человека нет давно,
А он, в каком-то смысле, продолжает
Существовать и продолжает мыслить
Внутри меня — и мыслями своими,
А не моими. Где лежит граница,
Что отделяет мир от нас снаружи —
И то сказать непросто, но — внутри?!

Спасибо, Лев Михайлович. Точнее,
Спасибо, Лёва. Я не чужд гордыне,
И раз уж были мы с тобой на «ты»,
Пусть так и остаётся. Посмотри:
Сегодня ты учил меня во сне — и
Я всё запомнил. У меня внутри
Не рассосалось и живёт поныне
Твоё сознание прав и правоты.
Я б мог спросить тебя об Украине,
Но то был сон. К тому же, мой вопрос
(«Что греки?») всё разрушил и унёс.

Иов

Иов был Божий раб. Иов был верный раб.
В Господней правоте не усомнясь ни разу
(Нет, Сатана не прав — не всякий смертный слаб!),
Он принял смерть детей, и бедность, и проказу.
Бог всё ему вернул. Он был вознаграждён
За то, что так любил, за то, что так старался.
Годами напоён, без боли умер он.

Я не люблю его: я не сторонник рабства.

* * *

Бог мне голоса не дал, не отмерил слуха:
Не по Сеньке шапка, знать, не по чину честь.
То ли замысел таков, то ли невезуха —
Что не можешь изменить, принимай как есть.

Делать вид, что голосист — это дохлый номер —
Птичкой-пеночкой запеть сложно воробью.
И без слуха можно жить — вот живу, не помер,
Не играю на дуде, песен не пою.

Бог мне слуха не послал, но, быть может, в виде
Компенсации душе, дал второе дно:
Чувством музыки внутри явно не обидел —
Чтобы больше я ценил то, что не дано.

Как услышу под окном перебор гитарный —
Пусть мелодия проста и слова просты —
Сразу чувствую себя евнухом султана:
Ах, какой гарем вокруг, сколько красоты!

Фактам верю я с трудом, запросто — химере:
Мол, в ученье тяжело, да легко в бою.
Бог мне голоса не дал, слуха не отмерил.
Не играю на дуде, песен не пою.

* * *

*Ненавидимый бабушкой отчим
посадил на могиле берёзку.*

Таня Лоскутова

Бальной залой, промасленной паклей,
Сладким дымом и сеном амбарным —
Позапрошлым столетием пахнет,
Идеальным и утилитарным.
Поколение дедов и бабок,
Взвесь усадеб, казарм и барачков —
Растряслась на дорожных ухабах
Амальгама желаний и страхов.

Я запомнил их — тощих и грузных,
Доживавших в безумном двадцатом,
Бесшабашных, запуганных, грустных,
И латынью умевших, и матом,
Превращённых эпохой в силос
И воспрявших (да нет, не воспрявших) —
Как над нами они суетились,
Перед тем как отправиться в ящик!

Можно резать засов автогеном,
Облагать малодушие данью,
Только страх, угнездившийся в генах,
Полагает предел пониманью.
Так уж вышло, что вышло не очень:
Небо в клеточку, платье в полоску.
Ненавидимый бабушкой отчим
Посадил на могиле берёзку.

ИЗ СТАРИНОЙ АРМЯНСКОЙ РУКОПИСИ

Не верьте царю парфян, когда он вам обещает
Мир — и за голенище прячет небрежно плеть,
А верьте царю парфян тогда, когда он стращает,
Не бойтесь бояться: без страха страха не одолеть.
Не верьте послам парфян, заверяющим вас в хорошем
Отношении к вашим сынам, их заверенья — яд.
Парфяне — храбрый народ, но слишком любящий роскошь.
Верьте парфянским послам, когда их глаза блестят.

* * *

Время стоит неподвижно, а движемся — мы.
Словно древесные соки во время зимы —
Медленно движемся. Да, от рожденья до смерти
Движемся через кусты, чтобы там, у черты,
Сдать Провиденью свои путевые листы
Так же, как их получили — в закрытом конверте.

Время стоит неподвижно. Такая модель
Требует для пониманья от умных людей
Мелочи: просто отказа от вольницы собственной воли,
Коей, наверное, нет у блохи и клопа.
Мало кого унижает, положим, лесная тропа,
Прежде стопы его существовавшая, что ли.

Время не движется. Создан изрядный запас
Времени вместе с пространством, включающий нас,
Предусмотрительно вставленных в нужные точки.
Эта картинка обходится без божества,
Так же, как Баба-Яга, даже если жива,
Больше в лесу не таится ни в кроне, ни в кочке.

Время стоит неподвижно. Но, двигаясь в нём,
Мы создаём в нём объём, наполняем огнём,
Мёртвым его не зовём, ведь покуда — не вечер.
Нас подогнали под время, оно нам под стать.
Важно — конверт донести, Провиденью отдать.
Впрочем, само Провиденье — всего лишь диспетчер.

* * *

*И что нельзя беречься,
И что нельзя беречься...
Давид Самойлов*

Хорошие советы
Летят, как снег февральский:
Не нервничай так сильно,
Не надо волноваться.

Ведь как писал Гельвеций?
Ведь как сказал Сенека? —
Нет ничего на свете
Важнее человека.

Вот Александр Сергеевич,
«Онегин», песнь шестая.
Вот это — из Тибета,
Вот это — из Китая.

А в окнах — снег февральский,
А в окнах — лес стоящий,
Не очень благодушный,
Но очень настоящий.

И птах к моей кормушке
Летит из снежной рощи,
Он не силён в цитатах,
Он видит вещи проще.

Благодаря высокой
Температуре тела
Всю жизнь он пребывает
У крайнего предела.

В его горячем тельце
Так быстро сердце бьётся.
На градус горячее —
И кровь его свернётся.

И для любых инфекций
Он уязвим предельно.
А хищники и холод
Присутствуют отдельно.

В наивно ярких перьях,
В игрушечном плюмаже,
Летает он, не прячась,
И хорохорясь даже.

Ещё в такую стужу
Вдруг запоёт бездумно!
Я за него тревожусь:
Зачем он — так бездумно?

И думаю, желая
Во всём ему удачи,
Что вот — нельзя иначе,
Никак нельзя иначе.

* * *

Постучим тайком по дереву,
А слезу пустую вытри.
Сколько там оттенков серого
Умещается в палитре?

Хорошо, что не заласканы,
Хорошо, что не в застенках...
Жизнь теперь скуpee красками,
Но подробнее в оттенках.

Как по сговору по древнему,
По астральному завету,
Постучим вдвоём по дереву.

Друг от друга по секрету.

* * *

Старуха лет девяноста сидит в инвалидном кресле
И кричит: «Мама! Мне больно! Мне больно!

Мне больно! Мама!»

К ней никто не подходит: зачем суетиться, если —
Весь день звучит бесконечная, бесцельная фонограмма?

Когда барахлит процессор, включается подпрограмма,
Заложенная изначально — словно красный спасательный круг.
Старуха в кресле взывает: «Мама! Мне больно! Мама!»
Время, впадая в детство, вываливается из рук.

АПОКАЛИПТИЧЕСКОЕ

Пары птиц не хотят возвращаться в своё гнездо,
Несмотря на сильные грозы, жухнут травы,
Мелодия выдыхается, опустившись до ноты «до»
Самой нижней октавы.

Потерявший дыхание, загнанный в ковыли,
Не уйдёт дурачок-олёненок от волчьей стаи.
«... и дана ему власть над четвертою частью земли...»
(глава шестая).

Климатологи отмечают много мелких примет
Катастрофы (социологи, пожалуй, тоже),
И хотя единого мнения, как обычно, нет,
Но весьма похоже,

Что в седьмом поколении некого будет карать
За наши грехи, совершённые по примеру
Дедов и прадедов. Близость гибели во сто крат
Поднимает веру.

Ещё бы! — как не молиться, когда дело — швах?
На то и высшая воля, чтоб ей не сопротивляться.
«Вот, красный большой дракон о семи головах»
(глава двенадцать).

Надежды, конечно, имеются. Но не у всех.
Социальная база, ещё не исчезнув, существенно поредела.
За столом собравшись, как и прежде пьём за успех
Безнадёжного дела.

Только круг наш узок. В оккупированном Крыму
Отдыхают те, с кем чокались мы когда-то...
«Как из дыма сошла саранча на землю, придя в дыму»
(в главе девятой).

«И увидел я новое небо и новую землю...» Ау, Земля!
Погодите, звёзды, куда это вы, куда вы?
Мелодия задыхается, захлебнувшись на ноте «ля»
Самой верхней октавы.

Без сомнения, щуки сожрут зазевавшихся карасей.
Безопасно пророчить худшее, давно — никакого риска.
«И сказал мне: не запечатывай слов пророчества книги сей;
ибо время близко».

ПРОГУЛКА В ГОРАХ

Что я хотел сказать? Помнил — и вот те на!
Может, как жизнь длинна,
А может, как время круто?
Нет, это все — не то,
Это — игра в лото,
Там был настоящий смысл, скрывшийся почему-то.

Что я хотел сказать? Что по ночам не сплю?
Что не радость коплю,
А страх перед злом двуглавым?
Что знанье моё — из тех,
Которые не для всех,
Что, чувствуя правоту, я не хочу быть правым?

Что я хотел сказать, а может быть даже спеть:
Уж если кровавая смерть,
То — в окопе, а не в бараке.
Но пафос смещает суть,
Как муха, влетая в суп.
Я морщился сам не раз, читая такие враки.

Что я хотел сказать? Что если без болтовни,
Знаем лишь мы одни
Собственным страхам цену.
Честь говорит: «Рискни»,
Разум: «Сиди в тени:
Глупо ведь, извини, биться башкой о стену».

Что я хотел сказать — не суть, все равно не смог.
Устал я, и видит Бог —
Еще далеко до дома.
Устал от скользких камней,
А сам от себя — сильней.
Спуск с горы не трудней, он просто страшней подъёма.

Дуэт

Как радужный свет над осокой,
Порой вспоминаю с тоской
Два голоса: женский, высокий,
И низкий, глубокий, мужской.

Когда о продаже и купле
Мы знали из фильмов и книг,
Ах, как они пели на кухне
И как же мы слушали их!

В квартире прокуренной, душной,
Взлетали они надо мной —
Два голоса: ясный, воздушный,
И бархатно-сочный, земной.

В легендах так действуют чары —
Как песни несложные их,
Как две их дешёвых гитары
(тогда, может быть, дорогих).

И, словно в былинной котомке
Заветные два медяка, —
Два голоса: нежный и ломкий,
И тот, что глубок, как река.

Слегка устарели мотивы,
Сменилось убранство кают.
Те двое — я знаю, что живы,
Но вместе уже не поют.

Лишь в памяти — вечные сроки,
Там влиты в пейзаж городской
Два голоса: женский, высокий,
И низкий, глубокий, мужской.

* * *

Не приведи дожить, Господь,
До дряхлости души и тела,
Когда уже забудет плоть,
Зачем жила, чего хотела,
Когда — что лето, что зима,
Что свет, что тьма, что ночь, что полдень...
А ум, лишившийся ума,
Уже не сможет ей напомнить.

* * *

Октябрь. Теплынь, вводящая в соблазн
Принять за благо разогрев планеты.
Смотрю, как вечер падает, сляясь,
И в пруд роняет жёлтые монеты.

С коротким рукавом (в каком пальто??!)
Бреду себе у осени по краю,
В стихах пытаюсь выразить всё то,
Чего не знал и в жизни не узнаю.

СОДЕРЖАНИЕ

«Без спроса и без повода, и даже не в связи...»	8
«У синьора Боккерини...»	10
«Бывают дни: и повода не надо...»	11
«Являясь частью большого зла...»	12
Памяти Юры Фадеева	13
«Поеду один в Ботанический сад...»	15
«Мальчишкой превращаюсь в старика...»	16
Давно	17
«Человек, которому выпало родиться турком...»	18
«Удовольствие: лечь после двух...»	20
«В декабре Мерида кажется идеалом...»	21
«Как весело мне в это время жилось...»	23
«Стереть набросок карандашный...»	24
«Высокомерие ахматовского толка...»	25
Ночь в больнице	26
«Мертвец в могиле путает века...»	28
«Когда кончаются дружбы, легко сыскать виноватых...»	29
«Откуда такая сила у простого перечисления?»	30
К Мексике, с любовью	31
«Любовь бесплотная нелепа...»	33
Уроки Л. М. Х.	35
Иов	37
«Бог мне голоса не дал, не отмерил слуха...»	38
«Бальной залой, промасленной паклей...»	39
Из стариной армянской рукописи	40
«Время стоит неподвижно, а движемся — мы...»	41
«Хорошие советы...»	42
«Постучим тайком по дереву...»	44

«Старуха лет девяноста сидит в инвалидном кресле...»	45
Апокалиптическое	46
Прогулка в горах	48
Дуэт	50
«Не приведи дожить, Господь...»	52
«Октябрь. Теплынь, вводящая в соблазн...»	53

M-Graphics PUBLISHING

www.mgraphics-publishing.com
info@mgraphics-publishing.com

ISBN 978-1-940220-76-5

9 0000 >

9 781940 220765